

Современные автократии и военные конфликты

ДАНИЛА
КРАСНОВ

Центральный тезис настоящей статьи можно сформулировать следующим образом: общепринятые взгляды, согласно которым существует стойкая взаимосвязь между типом политического режима и реализуемой им внешней политикой – включая также и утверждение, что демократии в целом реже, чем диктатуры, инициируют международные конфликты¹, – в лучшем случае не имеют под собой достаточных оснований, а в худшем случае вообще ошибочны. Типичное для прошлого столетия убеждение, которое опирается на жесткое противопоставление демократии и авторитаризма как несовместимых друг с другом алгоритмов международной политики, чревато искажением реальных закономерностей, определяющих отношения между государствами. Между тем в целом ряде более свежих работ – включая, например, количественные исследования Джессики Уикс – убедительно доказывається, что фактическое положение вещей может быть сложнее:

«Вопреки привычному акценту на разнице между демократиями и недемократиями авторитарные режимы также обнаруживают существенные различия, когда речь заходит о желании или готовности начать вооруженный конфликт. [...] Можно, в частности, утверждать, что невоенизированные автократии, опирающиеся на мощные элитные группы, в целом не более воинственны, чем демократические государства»².

Это весьма показательное заявление, особенно если учесть, что распространенным ныне «информационным автократиям» для поддержания себя не слишком нужны такие крайности, как внешние войны или даже внутренние репрессии: глав таких режимов больше интересуют манипуляции с информацией и конструирование иллюзии компетентного управления³. Обращение же к военной силе выходит за рамки представле-

Данила Сергеевич
Краснов (р. 2001) –
политолог.

- 1 Подробнее см.: GELPI C., GRIESDORF M. *Winners or Losers? Democracies in International Crisis, 1918–1994* // American Political Science Review. 2002. Vol. 95. № 3. P. 633–647.
- 2 WEEKS J. *Strongmen and Straw Men: Authoritarian Regimes and the Initiation of International Conflict* // American Political Science Review. 2012. Vol. 106. № 2. P. 326. См. также: ИДЕМ. *Autocratic Audience Costs: Regime Type and Signaling Resolve* // International Organization. 2008. Vol. 62. № 1. P. 35–64.
- 3 Подробнее об этом см.: GURIEV S., TREISMAN D. *Spin Dictators: The Changing Face of Tyranny in the 21st Century*. Princeton: Princeton University Press, 2022; см. также: ПОМЕРАНЦЕВ П. *Это не пропаганда. Хроники мировой войны с реальностью*. М.: Individuum, 2020.

ний о качественном руководстве, так как является показателем неумения разрешать межгосударственные противоречия на ранних стадиях. Отсюда, однако, возникает вопрос: почему же войны продолжают сопутствовать авторитарному правлению и в XXI веке?

ТИП РЕЖИМА И ПРЕДРАСПОЛОЖЕННОСТЬ К КОНФЛИКТАМ

Объяснение этого явления, представленное ниже, базируется на двух предпосылках. Во-первых, невозможно прогнозировать поведение диктатора в предвоенной ситуации, анализируя исключительно отсутствие (или наличие) ограничений, позволяющее (или мешающее) ему развязать конфликт. Это вторичный фактор, задаваемый его личными особенностями, а также установками и предпочтениями групп, имеющих право апеллировать к подобным ограничениям. Показательно в данном отношении право Совета Федерации отклонить предложение об использовании войск за пределами России, которое, однако, ни разу не применялось на практике. Во-вторых, не стоит думать, будто решение авторитарного режима об инициировании внешнего конфликта каким-то механическим образом связано с уровнем могущества элитной коалиции, победившей во властной борьбе, или же с уровнем поддержки агрессивных намерений государства его населением. Корреляция интересующего нас решения с этими переменными не существенна, что многократно подтверждалось опытом различных диктатур. Исходя из сказанного специалисты-политологи считают более целесообразным сосредоточиться на структурных аспектах, а именно, на особенностях институционального дизайна, которые подталкивают диктатора к развязыванию войны или, напротив, заставляют его воздерживаться от такого шага.

Имеющиеся на сегодня довольно обстоятельные и свежие количественные исследования говорят о том, что коллегиальные авторитарные режимы не более воинственны – а иногда даже и менее воинственны, – чем демократии. Кроме того, коллегиальность автократии иногда оборачивается тем, что диктаторы, подобно демократическим лидерам, сталкиваются с внутриэлитными группами сопротивления, которые, в отличие от них самих, могут оказаться не предрасположенными к применению силы и, более того, способными наказать главу режима за дорогостоящее решение начать войну. Поэтому, чем шире диктатура опирается на коллегиальные органы и использует электоральные механизмы, тем сдержаннее она относится к развязыванию конфликтов, победа в которых изначально не

очевидна. Это обстоятельство, однако, не сказывается на отношении к войне после того, как она уже развязана: независимо от того, коллегиальным или персоналистским является режим, возглавляющий его автократ зачастую склонен воевать до последнего. При этом важно уточнить, что последствия неудач на поле боя для коллективистских диктатур (военных хунт) в сравнении с персоналистскими автократиями оказываются, как правило, более губительными.

ДАНИЛА КРАСНОВ
СОВРЕМЕННЫЕ АВТОКРАТИИ
И ВОЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ

Имеющиеся на сегодня довольно обстоятельные и свежие количественные исследования говорят о том, что коллегиальные авторитарные режимы не более воинственны – а иногда даже и менее воинственны, – чем демократии.

Имея дело с диктатурами, функционирующими по типу военной хунты, полезно иметь в виду, что их лидеры зачастую прибегают к агрессии вовсе не потому, что их кровно интересуют внешняя экспансия и присоединение новых территорий, а из-за того, что регулярная демонстрация силы выступает неотъемлемой частью милитаристского этоса, присущего представителям армии или спецслужб⁴. В генеральской ментальности сопредельные страны предстают более враждебными, чем в объективной действительности, из-за чего компромиссы с соседями кажутся хунтам не слишком надежной стратегией. Согласно исследователям, изучающим агрессивный потенциал военных диктатур, если устранить их фобии дипломатическими средствами международному сообществу не удастся, то на первый план нужно выдвигать иные средства⁵. В частности, довольно эффективной моделью поведения может оказаться широко декларируемое намерение сдерживать агрессивную автократию, если потребуется, силовыми инструментами: подобные предупреждения, пусть не всегда, но все же способны убедить диктаторов в избыточных или даже неприемлемых издержках экспансионизма. Рассуждая в том же ключе, Майкл Томз рекомендует членам международного сообщества заключать союзы с потенциальными жертвами диктаторского экспансионизма:

«Поскольку возможные агрессоры понимают, что подобные союзнические соглашения не только расширяют внешнеполитическую поддержку возможной жертвы, но и увеличивают их собственные внутренние риски, практика заключения такого рода альянсов мо-

⁴ См., в частности: WEEKS J. *Dictators at War and Peace*. Ithaca: Cornell University Press, 2014.

⁵ Подробнее см.: Ibid.

АВТОКРАТЫ И ОППОЗИЦИЯ – ВЕРХУШЕЧНАЯ И НИЗОВАЯ

Выше уже отмечалось, что одним из главных препятствий, мешающих автократу развязать военный конфликт, может оказаться верхушечная фронда. Возникновение таковой более вероятно при коллегиальных авторитарных режимах – включая, кстати, и военные хунты, несмотря на присущие им милитаристские инстинкты. Более проблематичной оказывается ситуация тех персоналистских диктатур, лидерам которых удалось устранить соперников и сосредоточить всю полноту власти в одних руках. В режимах такого типа инициирование конфликта зависит от интенций одного только автократа и его самого ближнего круга. Именно их лидеры с наибольшей легкостью идут на обострение в международных спорах, а в случае неудачных для себя исходов ищут любой возможности для реванша, снова и снова воспроизводя агрессивный цикл. Минимизируя внутренние ограничения и делая свое правление все более абсолютным, единоличным лидер повышает собственную предрасположенность к войне⁷. (Это утверждение приводит к целому ряду предположений, которые потенциально могут быть проверены с использованием количественных данных⁸.) Кстати, в указанном смысле показателен случай нынешнего континентального Китая, где гражданское правительство, ограниченное элитными группировками, выступало идеальным воплощением авторитарно-номенклатурной коалиции – по крайней мере в течение нескольких десятилетий. В значительной степени это позволяет объяснить относительную сдержанность внешней политики Китайской Народной Республики. Как представляется, наблюдаемая в последние годы все большая концентрация власти в руках Си Цзиньпина и очевидное превращение его в традиционного единоличного лидера отнюдь не случайно сопровождаются нарастающей агрессивностью внешнеполитического курса КНР.

Китайский политический опыт позволяет сделать еще одно предположение. Некоторые авторы считают, что режимы, сис-

- 6 Tomz M., Weeks J. *Military Alliances and Public Support for War* // *International Studies Quarterly*. 2021. Vol. 65. № 3. P. 821.
- 7 Подробнее о том, как единоличное политическое лидерство сказывается на международных отношениях, см.: Yuman D., Pollack K. *Let Us Now Praise Great Men: Bringing the Statesman Back In* // *International Security*. 2001. Vol. 25. № 4. P. 107–146.
- 8 См.: Holsti K. *Peace and War: Armed Conflicts and International Order, 1648–1989*. New York: Cambridge University Press, 1991.

темно, регулярно и масштабно ограничивающие массовое участие в политической деятельности, во внешней политике будут тем не менее более склонны к осторожности и сдержанности, чем режимы, практикующие жестокие, но разовые и точечные репрессии⁹. Здесь, однако, важно уточнить: подобное положение вещей сохраняется лишь до тех пор, пока в стране существует более или менее влиятельная оппозиция. Этот тезис иногда подкрепляется аргументом, согласно которому политизация вооруженных сил и органов безопасности – то есть их активное привлечение к борьбе с внутренним недовольством, – склонно оборачиваться относительным снижением их боеспособности и профессионализма; по крайней мере так дело выглядит в сопоставлении с кейсами, где армия и спецслужбы деполитизированы¹⁰.

Минимизируя внутренние ограничения и делая свое правление все более абсолютным, единоличный лидер повышает собственную предрасположенность к войне.

Возможно, последнее наблюдение может показаться кому-то неактуальным, поскольку нынешние автократы, борясь с политическими противниками, не так уж и часто выводят на улицы пехоту и танки. Тем не менее уместно обратить внимание на то, что никаких гарантий от возвращения современного мира к более «привычным» моделям авторитаризма не существует. Иначе говоря, военный переворот отнюдь не стоит записывать в явления вчерашнего или позавчерашнего дня. Кстати, есть смысл обратить внимание еще на один аспект взаимосвязи между внешнеполитической агрессивностью и внутривнутриполитической устойчивостью авторитарных режимов, не раз отмечавшийся специалистами: отправка армии за рубеж накладывает ограничения на ее использование в полицейских операциях внутри страны¹¹. Диктатор сталкивается с определенным парадоксом: нападения на другие страны, задумываемые им для укрепления собственной репутации в глазах подданных, требуют перенаправления силовых ресурсов из своих владений за рубеж, но это не усиливает режим, а напротив – ослабляет его. Война, особенно неудачная, способна посеять семена революции или спровоцировать переворот. Практика же показы-

9 См.: SVOLIK M. *Contracting on Violence: The Moral Hazard in Authoritarian Repression and Military Intervention in Politics* // Journal of Conflict Resolution. 2012. Vol. 57. № 5. P. 765–794.

10 EGOROV G., SONIN K. *Dictators and Their Viziers: Endogenizing the Loyalty-Competence Tradeoff* // Journal of the European Economic Association. 2011. Vol. 9. № 5. P. 903–930.

11 См., например: ANDRESKI S. *Wars, Revolutions and Dictatorships: Studies of Historical and Contemporary Problems from a Comparative Viewpoint*. London: Routledge, 1992.

вает, что в случае массового возмущения одних полицейских сил автократам, как правило, не хватает¹².

ПСИХОЛОГИЯ АВТОКРАТИИ

Стандартной аналитической линией, применяемой при анализе автократий, уже многие годы остается приписывание единоличным властителям особых психологических характеристик. Так, специалисты рассуждают в этой связи о «тиранических характерах», чье желание доминировать над другими воплощается в «дипломатии канонеров» и завоевательных авантюрах¹³. Устойчивая популярность этой парадигмы объясняется ее древними истоками: придерживающиеся ее ученые сплошь и рядом ссылаются на античных классиков – в частности, на Ксенофонта, хотя и не только на него. По утверждению Бетти Глэд, многие тираны являются нарциссами, которые культивируют возвышенный образ собственного «я», неизменно позиционируя себя над другими¹⁴. Ссылками на подобный психотип оправдываются многие диктаторские причуды, подтверждающие непомерность геополитических амбиций. Саддам Хусейн, например, не раз говорил о своем желании восстановить панарабский халифат – с собой в роли халифа¹⁵. Считая себя наследником Навуходоносора и Саладина, иракский диктатор приказал построить в Вавилоне роскошный дворец, на каждом кирпиче которого были начертаны его инициалы. Столь же глобально, как известно, мыслил и ливийский вождь Муаммар Каддафи, в 2008 году присвоивший себе титул «короля королей»; среди его многочисленных проектов был план учреждения панафриканского правительства под собственным началом. Хотя об империях мечтают не только персоналистские диктаторы¹⁶, именно последние вершат власть в условиях, наиболее благоприятствующих имперскому строительству, поскольку ни критиковать, ни тем более остановить их некому¹⁷. И вообще политический ре-

12 См.: SVOLIK M. *Op. cit.*

13 См.: ROSEN S. *War and Human Nature*. Princeton: Princeton University Press, 2005.

14 См.: GLAD B. *Why Tyrants Go Too Far: Malignant Narcissism and Absolute Power* // *Political Psychology*. 2002. Vol. 23. № 1. P. 1–37.

15 Интересные подробности, характеризующие бывшего президента Ирака в качестве политического лидера, см. в докладе: WOODS K., PEASE M., STOUT M., WILLIAMSON M., LACEY J. *Iraqi Perspectives Project: A View of Operation Iraqi Freedom from Saddam's Senior Leadership*. Norfolk: Joint Center for Operational Analysis, 2006.

16 Многочисленные доказательства этого тезиса см. в работе: SNYDER J.L. *Myths of Empire: Domestic Politics and International Ambition*. Ithaca: Cornell University Press, 1991.

17 О психологических аспектах функционирования персоналистских диктатур рассуждают, в частности, Наташа Эзроу и Эрика Франц: EZROW N., FRANTZ E. *Dictators and Dictatorships: Understanding Authoritarian Regimes and Their Leaders*. Boulder: Lynne Rienner Publishers, 2011. (См. перевод одной из глав этой книги, опубликованный в «НЗ»: 2016. № 4(108). (www.nlobooks.ru/magazines/neprikosnovenny_zapas/108_nz_4_2016/). – *Примеч. ред.*.)

ализм не входит в число достоинств, украшающих настоящего автократа. Безграничная власть способна превратить человека в своего рода революционера-сокрушителя: такому лидеру, избавленному от ограничений, начинает казаться, что ему все по плечу – и что он готов переустроить всю планету, заставив всех играть по своим правилам. При этом в собственной стране такой «инноватор» порой проповедует самый замшелый консерватизм с устоями и скрепами.

Впрочем, не все специалисты соглашаются с тем, что ставки единоличных диктатур в военных конфликтах выше, чем ставки коллегиальных авторитарных режимов или демократических систем. Как указывают некоторые ученые, абсолютный диктатор распоряжается абсолютным арсеналом средств, позволяющих ему защитить себя даже в случае поражения – причем среди них есть и такие инструменты, которые правителям иного типа попросту недоступны¹⁸. Свободно играя на внутренних элитных противоречиях и сталкивая верхушечные группировки между собой, автократ способен заметно минимизировать угрозы для себя лично, что тоже подтверждается количественными исследованиями¹⁹. Вытекающее отсюда ощущение безнаказанности, присущее неограниченным автократам, позволяет возглавляемым ими диктатурам с большей легкостью провоцировать военные конфликты, чем это делают руководители иных режимов. Вместе с тем то обстоятельство, что потенциальные издержки войны для автократов заведомо ниже, чем для демократических правительств, имеет и обратную сторону: оно позволяет предположить, что при определенных условиях единоличный правитель с большей легкостью улаживает конфликтные ситуации, не доводя их до вооруженного столкновения, поскольку его дипломатические позиции всегда подкрепляются мощной угрозой применения силы, не ограничиваемой ни элитами, ни обществом. Абсолютистская диктатура зачастую – хотя и не всегда – запугивает конкурентов более эффективно, чем диктатуры иных типов.

В заключение вновь обратимся к вопросу, можно ли считать персоналистские автократии более склонными к разжиганию военных конфликтов в сопоставлении с коллегиальными диктатурами-хунтами. В исследованиях, посвященных этой теме, отмечается, что армейское офицерство, на которое приоритетно опираются хунты, во-первых, любую «оперативную обстановку» неизменно видит в более мрачном свете, чем она того заслуживает, а во-вторых, рассматривает силовое реагирование на любой кризис как наиболее рациональную долгосрочную

18 WEEKS J. *Strongmen and Straw Men...*

19 См., в частности: CROCO S., WEEKS J. *War Outcomes and Leader Tenure* // *World Politics*. 2016. Vol. 68. № 4. P. 577–607.

стратегию²⁰. Иначе говоря, военная сила в его глазах необходима и эффективна, намного превосходя по своей действенности дипломатию. Однако, в отличие от диктаторов единоличных, коллективные диктаторы менее защищены от последствий поражения – и поэтому, развязывая войны, вынуждены думать дважды. Иначе говоря, автократы-персоналисты более склонны к инициированию конфликтов, чем коллегиальные диктатуры.

* * *

Предпринятый выше беглый анализ литературы, посвященной взаимосвязи между диктаторской природой власти и ее тяготением к войне, позволяет сделать несколько промежуточных выводов.

Во-первых, авторитарные режимы персоналистского типа наиболее склонны развязывать войны из-за несдерживаемых амбиций автократа, его тиранического психотипа и неготовности окружения снабжать лидера достоверной информацией о соразмерности его ресурсов его устремлениям.

Во-вторых, коллегиальные диктатуры более сдержаны в плане развязывания военных конфликтов из-за того, что в них сохраняются структурные ограничения, диктуемые внутренней неоднородностью подобных правящих коалиций, а также потому, что при такой модели власти группы, которые иницируют войну, позже оказывающуюся провальной, неминуемо наказываются другими элитами.

Наконец, в-третьих, автократы-персоналисты легче переживают поражение, чем коллегиальные диктатуры; даже после него они нередко способны продолжать царствовать и вынашивать реваншистские проекты.

За рамками рассмотрения остался еще один принципиальный вопрос, который тем не менее стоит обозначить эскизно. Поскольку вечных политических форм не бывает, всякой диктатуре когда-нибудь приходит конец. По этой причине политической науке следовало бы с большей тщательностью изучать те возможности преобразований, которые открываются перед какой-нибудь измученной диктаторским правлением страной после его неизбежного краха – будь то из-за внешнего авантюризма или внутренней неумелости.

20 См.: WEEKS J. *Strongmen and Straw Men...*